

МЕСТОИМЕННЫЙ ОБЪЕКТ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ

*Работа представлена отделом индоевропейских исследований сравнительно-исторического, ареального и типологического языкознания Института лингвистических исследований (ИЛИ РАН).
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ю. К. Кузьменко*

В статье рассматриваются факторы, влияющие на позиции местоименных объектов. Возможность размещать объекты, выраженные личными местоимениями перед и после глагола в конце клаузы, использовалось для выделения необходимой части высказывания. Перенос проминальных объектов в постглагольную позицию был вызван структурными причинами и позднее использовался при выражении различных семантических оттенков высказывания.

The article describes social and political grounds of such a phenomenon of electoral practice in our country as absence from elections. The author makes an attempt of explanation of electoral absenteeism depending on trust of the population to elective institutes of authority, character of regulatory powers of elected institutes and level of elections in Russia.

В данной статье на основе корпуса древнеанглийских текстов рассматриваются особенности позиций объектных личных местоимений (далее – ЛМ) в зависимости от прагматических факторов.

В целом в древнеанглийских текстах прослеживается тенденция к позиционированию объектных ЛМ в зависимости от разворачивания тема-рематической прогрессии. В. Кохонен отмечает, что рематические объекты ставятся ближе к концу высказывания, а тематические объекты занимают любые позиции¹. Так, например, в предложении: «Ac he alysde us iourh his deap of ecan deare» – «Но он спас нас своей смертью от вечной смерти» – объектное ЛМ стоит ближе к началу предложения и является темой высказывания. С другой стороны, в предложении: «He swjр Godes wordum eas to us eallum» – «Он сказал словами Господа также и всем нам» – объектное ЛМ становится ремой высказывания, поскольку речь идет об известном обращении Бога и глав-

ным, т. е. «новым», в данном высказывании является адресат, тот, к кому обращены слова. ЛМ перемещается в конец предложения вместе с местоимением «все».

Однако существуют примеры, которые не подчиняются данному правилу. Если объектное ЛМ является частью оборота, оно, несмотря на свою тематичность, не отрывается от следующего за ним имени и употребляется в конце клаузы, зачастую выступая в качестве ремы высказывания: «*him to gewealde*» (ему для подкрепления), «*him to fripe*» (ему для мира), «*him to wife*» (ему в жены), «*him to fultume*» (ему на помощь), «*eow to iearfe*» (вам для нужды, необходимости):

«He nolde юа habban his Scippend him to hlaforde...» – «Он не хотел, чтобы Творец был его Господином».

Если рассматривать позицию ближе к глаголу как позицию ремы высказывания, тогда можно предположить, что в ряде случаев объектное ЛМ, находящееся в данной

позиции, было рематичным. Однако данное рассуждение не всегда верно. Так, рассмотрим следующее предложение:

«swa swa pe H̅jlend deo, pe l̅jd to heofenen rice юa pe on him ilyfap, gif heo mid gode weorcum **hine** gl̅jdiap» – «...так, как поступает Господь, который ведет на небеса тех, кто в него верует, если они хорошими делами его радуют».

ЛМ «*hine*», являющееся субститутном имени «*H̅jlend*», не является «новым» высказыванием. В данном случае трудно решить, является данное ЛМ контрастным и потому занимает позицию ближе к концу предложения, или же мы имеем дело со случаем перемещения тематического местоимения вследствие его слабоударности в качестве проклитики глагола. Как мы полагаем, этот пример показывает, что конечная позиция в древнеанглийском языке сама по себе не была рематичной. То есть если и существовала тенденция к позиционированию объектных ЛМ ближе к концу предложения, то не всякое объектное ЛМ, находящееся в предглагольной или постглагольной позиции, является ремой. При этом в языке с относительно свободным порядком слов существует возможность к выделению тех или иных элементов за счет изменения их позиции. Так, объект или обстоятельство может выноситься в начальную позицию при субъекте, занимающем крайнюю позицию в клаузе. Принцип тематического распределения элементов в предложении как линейное расположение элементов по принципу их информационной значимости, по нашему мнению, в отношении объектных ЛМ действовал в древнеанглийском языке не всегда. Так, возьмем следующее предложение:

«Nu wille ic юeah be suman d̅jcle scortlice **hit eow** sum asecgan» – «И вот теперь хочу я о некой части немного из этого вам нечто рассказать».

Выделенные местоимения «это» и «вам» являются темой высказывания. Если предположить, что «*be suman d̅jcle*» также тематично, а ремой является исключительно

одно «*sum*», то нет оснований полагать, что близость местоимений к концу предложения вызвана их информативным статусом.

В корпусе текстов немало примеров, когда объектное ЛМ не только стоит ближе к концу предложения, т. е. в непосредственной близости к глаголу, но и выносится в постглагольную позицию, не являясь при этом ремой высказывания. Итак, рассмотрим, каким образом распределяются объектные ЛМ в разных типах предложений. В главном предложении, а также сложносочиненных и простых предложениях объектное ЛМ может стоять как перед глаголом, так и выноситься в постглагольную позицию. Причем примеров в постглагольной позиции становится больше в позднедревнеанглийских текстах, что мы связываем с переходом к синтаксически организованному распределению элементов, т. е. постепенному закреплению порядка SVO и разрушению SOV. Но поскольку и в ранних текстах, организованных в большей степени на принципах распределения коммуникативных структур, мы встречаем позиции SVO, в этой связи встает вопрос: существовала ли семантическая разница в данных двух позициях объектных ЛМ? Для начала рассмотрим пример из переводного текста «Истории Аполлония Тирского»:

«Quicumque mihi Tyrium Apollonium, contemptorem regni mei, vivum exhibuerit, accipiet auri talenta centum, qui vero caput eius attulerit, accipiet ducenta».

«Swa hwilc **man** swa me Apollonium lifigendne to gebringp, ic **him** gife fifti punda goldes, and юam pe me his heafod to gebringp, ic gife **him** c punda goldes» – «Тому человеку, который мне Аполлония живым доставит, я ему дам 50 фунтов золота, а тому, кто принесет мне его голову, я дам ему 100 фунтов золота»

Как видно, выделенные нами объектные ЛМ, как и сам предикат, в латинском оригинале отсутствуют. Здесь автор допустил определенную вольность при переводе, добавив группу «*ic gife him*». Интересно, что в одной и той же фразе допускается различ-

ный порядок элементов. Если исключить возможное случайное употребление двух моделей порядка слов как равноправных, можно предположить, что позиционирование объектного ЛМ перед глаголом и после глагола отражает определенное смысловое различие двух высказываний. И действительно, из всего текста становится понятным, что царь Антиох, пытаясь любой ценой заполучить Аполлония, который разгадал его загадку, дает своему слуге Фалиарку задание поймать и привести Аполлония. Царь не скупится на награду и готов дать большую сумму денег за его поимку. Причем он готов отдать большую сумму за голову Аполлония. Мы считаем, что именно в этом различии и заключается общее противопоставление: для царя важна смерть Аполлония, но об этом он прямо не говорит, а скорее делает акцент на том, что *действительно готов отдать* сто фунтов золотом тому, кто принесет ему голову Аполлония. В обоих случаях мы имеем дело с тематическим объектным ЛМ, кореферентным с предыдущим именем «*man*», но если в «*ic him gife*» объектное местоимение стоит в предглагольной позиции и тем самым является нейтральным по смыслу, то в «*ic gife him*» посредством вынесения ЛМ акцентируется глагол, т. е. подчеркивается само действие, выражаемое глаголом. Данное предположение в большей степени относится к главным предложениям.

Перенос объекта в позднедревнеанглийских текстах объясняется установлением нового коммуникативного принципа, согласно которому известную информацию размещали в начале предложения, а новую – ближе к концу. Данный принцип сперва проявляется в главных предложениях, а затем переносится и на другие типы предложений². Однако, как мы показали выше, объектное ЛМ не обязательно должно являться ремой высказывания, и вынос в заглагольную позицию, даже если первоначально он был вызван разрушением порядка SOV и установления SVO, впоследствии мог использоваться для отражения новых смысловых

оттенков высказывания. В произведениях Эльфрика обращает на себя внимание тот факт, что в главных предложениях наблюдается тенденция выносить ЛМ в постглагольную позицию при определенных глаголах: глаголах говорения, увещевания, просьбы, приказания: «*secgan*» (говорить), «*biddan*» (просить), «*beodan*» (возвещать, проповедовать), «*myngian*» (напоминать):

«We **beodap eow** mǣssepreostum, южт ge beodon eallum юам folce...» – «Мы проповедуем вам, священникам, чтобы вы проповедовали всему народу...».

Таким образом, если наше предположение о позициях ЛМ и глагола верно, тогда становится понятным, почему объектное ЛМ чаще выносится в постглагольную позицию после вышеперечисленных глаголов: именно с помощью такого переноса создается возможность сосредоточить внимание на том, о чем будет идти речь в придаточном предложении. Анализ употребления объектных ЛМ в главных, сложносочиненных и простых предложениях в непереводных текстах показывает, что данное употребление объектных ЛМ с акцентированием глагола прослеживается не всегда. Так, например, в проповедях Вульфстана практически не наблюдается перенос объектного ЛМ в постглагольную позицию³, о которых мы говорили.

Таким образом, можно сделать вывод: в главных предложениях, а также частично в сложносочиненных и простых предложениях перенос объектного ЛМ в постглагольную позицию мог использоваться для акцентуации глагола, для выделения самого действия, подчеркивания того, о чем будет говориться далее. Такого рода разграничение в семантике высказывания было наиболее распространено в позднедревнеанглийский период в связи в распространением порядка SVO и зависело от стилистических предпочтений автора, а также жанра произведения. В ранних произведениях такой перенос был менее распространен. Например, в «Англосаксонских хрониках» (рукопись «A») находим:

«Ну юа sendan **heom** mare fultum» – «Они тогда послали им большую помощь».

«Англосаксонские хроники» представляют собой особый повествовательный жанр, многие из особенностей которого либо вообще не характерны, либо не столь распространены в других жанрах: например, частотная глагольная инверсия. Тем не менее можно выдвинуть некоторые предположения, исходя из представления об общей тенденции в развитии порядка слов и употребления ЛМ в поздних текстах. Уже в IX в. начинается разрушение порядка SOV. В приведенных примерах из хроники видно, что за глагол выносятся не только местоименный, но и именной объект. Поскольку возникает возможность переноса именного объекта, то и прономинальный объект начинает перемещаться ближе к именному объекту, т. е. за глагол.

Относительно придаточных предложений дело обстоит несколько иначе. Уже в ранних текстах мы встречаем спорадические примеры с объектными ЛМ в постглагольной позиции. В этой связи исследователи отмечают, что основное различие между произведениями Альфреда и Эльфрика, в частности, заключается в увеличении примеров с прономинальными объектами в постглагольной позиции⁴. Рассмотрим примеры с переносом объектных ЛМ в ранних и поздних текстах. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в постглагольную позицию в придаточном предложении в большинстве случаев ставится ЛМ с предлогом. В «Англосаксонских хрониках» таких примеров не так много. Более частотно такое употребление в рукописи «E» (13), в то время как в рукописи «A» мы обнаружили два предложения с предложным объектным ЛМ в постглагольной позиции. При этом в рукописи «E» за глагол также выносятся и беспредложное ЛМ. Всего обнаружено 9 примеров. В «Обязанностях пастыря» в 24 предложениях зафиксирован вынос предложного ЛМ в постглагольную позицию и всего один пример, когда после глагола в придаточном предложении сто-

ит беспредложное ЛМ. Совершенно иное положение вещей представлено в «Письмах» Эльфрика. Здесь в 33 случаях предложное ЛМ стоит за глаголом и в 12 примерах – беспредложное ЛМ. Тенденция вполне очевидна. Так, если в ранних текстах вынос объектных ЛМ в придаточных предложениях был не столь распространен и ограничивался предложными ЛМ, то в текстах Эльфрика количество предложных ЛМ в постглагольной позиции увеличивается наряду с общим ростом примеров объектных ЛМ, стоящих за глаголом. Данную тенденцию можно интерпретировать с точки зрения «веса» и «длины» объекта. Если мы предположим, что предложное объектное ЛМ в древнеанглийском языке можно рассматривать как элемент, относящийся к «длинным» объектам с относительно «тяжелым весом», тогда следует утверждать, что именно их структурный вес являлся одним из тех факторов, которые позволяли выносить ЛМ за глагол в придаточном предложении. Поскольку ряд предлогов, таких как, например, *«togeanes»*, *«beforan»*, *«betweox»*, *«ofer»*, *«from»*, ассоциировались непосредственно с определяемым ЛМ, то в предложениях, особенно с одним объектом, вынос за глагол такого рода объекта можно трактовать как перенос «весомого» элемента. К тому же перенос в постглагольные позиции в придаточных предложениях уже в ранних текстах был распространен среди именных объектов. Если даже объектные ЛМ долгое время «сопротивлялись» новым синтаксическим позициям и в большей степени сохраняли «архаические» позиции, то не исключено, что в течение длительного времени происходило аналогическое давление со стороны именных объектов. И поскольку в языке появляется новая позиция в целом для объекта, то постепенно местоименный объект начинает занимать ее. Выбор объекта осуществляется по принципу его «веса», что обусловлено аналогией с именным объектом, который по своему «весу» и «длине» в среднем превосходит «легкие»

элементы. Среди проанализированных нами примеров ЛМ, которые выносятся в постглагольную позицию есть такие, как «*betux him*», «*betwux eow*», «*heom betweonan*», «*to us eallum*», «*жfter him*». Как мы полагаем, их позиции обусловлены не столько структурным составом, сколько семантикой. Примеры с такими предлогами, как мы полагаем, являются своего рода приложением, т. е. ЛМ еще раз обобщают и указывают на тех, о ком шла речь. Например:

«ржт hie hiene eft hжbбен on ржт eсан life **betux him**...» – «что они с ним будут в вечной жизни между собой».

В постглагольной позиции стоят также те объектные ЛМ, которые являются час-

тью таких грамматических конструкций, как сложный объект (Accusativus cum infinitivo), конструкция с инфинитивом и предлогом «for» (for-to-construction), а также «глагол»+инфинитив с частицей «to»:

«ржт he gesette opre **for hine to demenne**» – «что он поставил других, чтобы судить его».

В данных конструкциях ЛМ грамматически связано с инфинитивом. Если развернуть эти предложения, тогда объектное ЛМ окажется в придаточном предложении, т. е. семантически и грамматически связанным с вторым глаголом. Поэтому существует тенденция в таких предложениях к позиционированию объектного ЛМ в постглагольной позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kohonen V. On the Development of English Word Order in Religious Prose around 1000–1200. Abo, 1978. P. 145.

² Ср.: Kohonen V. A Note on Factors Affecting the Position of Accusative Objects and Complements in Aelfric's Catholic Homilies I. Reports on Text Linguistics: Approaches to Word Order. 1976. P. 194–195.

³ В тех редких случаях в произведениях Вульфстана, когда наблюдается перенос ЛМ в постглагольную позицию, нет оснований говорить об акцентуации глагола. Такое употребление ЛМ в проповедях Вульфстана мы связываем с намеренной архаизацией синтаксиса ЛМ.

⁴ Bean M. C. The Development of Word Order Patterns in Old English. London and Canberra, 1983. P. 112–113.